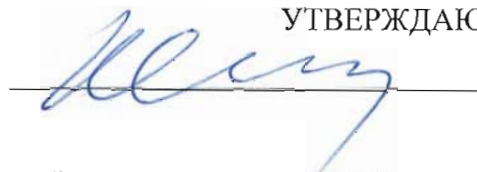

УТВЕРЖДАЮ

Директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института филологии Сибирского отделения
Российской академии наук
д. ф. н. И. В. Сидантьев
2 октября 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук
(сектор литературоведения)

на диссертационную работу **ДУБОВЦЕВА Алексея Николаевича «Истоки мировой культуры в художественном мышлении Н. С. Гумилева»**,

представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

В диссертационном исследовании Алексея Николаевича Дубовцева рассматриваются истоки мировой культуры в творчестве Николая Гумилева, причем делается акцент на обращение поэта к античной эпохе (соединенной в каких-то ипостасях с христианством) и «доантичной древности» (это определение относится, по мнению автора работы, к шумеро-аккадской и так называемой «первобытной культуре»). В соответствии с выбранной концепцией сочинение состоит из двух частей, посвященных «Древней Греции в поэтическом восприятии Н. Гумилева» (**1 глава**) и «доантичной древности» (**2 глава**).

Оригинальность подхода безусловна. Несмотря на обилие исследований о тяготении Гумилева к античности, А. Н. Дубовцев находит свою тему и свою трактовку проблемы: античность видится диссертанту не в обилии образов из древнегреческой мифологии (в раннем сборнике Гумилева «Путь конквистадоров» их практически нет), но в том, что первый стихотворный цикл поэта построен по законам античной драматургии. Кроме того, автор работы описывает системно «единство “античных”, “шумеро-аккадских” и “первобытных” произведений поэта с текстами более поздними с точки

зрения хронологии воссозданных в них исторических эпох» (с. 3 автореферата), проводит «комплексный анализ» произведений Н. Гумилева, объединенных интересом поэта к культурам древности. В этом заключаются **актуальность и новизна избранной темы**.

А. Н. Дубовцевым сделана попытка объединить «различные историко-культурные парадигмы в контексте гумилевской историософии» (с. 23), построить, как полагает диссертант, «целостную концепцию культуры в рамках поэтологии Н. С. Гумилева как основателя акмеизма» (там же); выявить «не только литературные, но и философские влияния на художественный универсум Н. С. Гумилева» (там же), что определяет **теоретическую значимость** проделанной работы.

Во введении А. Н. Дубовцев представляет подробный анализ литературоведческих трудов о творчестве Гумилева. В своих рассуждениях автор исследования опирается на работы по теории и истории литературы (С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, М. Л. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург, Ю. Н. Тынянова и др.), труды в области философии языка, истории и культуры (Ж. Делеза, Э. Кассирера, Ф. Ницше, В. Соловьева, П. Флоренского, Ф. Шеллинга, К. Ясперса и др.) и на статьи и монографии «гумилевоведов» (М. Баскера, Н. А. Богомолова, Ю. В. Зобнина, Н. В. Налегач, Е. Ю. Раскиной, Р. Эшельмана и др.).

Анализируя композицию стихотворного сборника Гумилева «Путь конквистадоров» – «Мечи и поцелуи», «Поэмы», «Высоты и бездны» (**первая глава работы**), А. Н. Дубовцев приходит к мысли, что данный цикл по своей структуре напоминает трехчастное деление древнегреческой драмы. Доказательством служит следующее высказывание А. Ахматовой: «поэмы “Пути конквистадоров” сделаны как-то по типу античных трагедий, но из них вынута действие»¹. Ахматова полагала, что к такому эффекту Гумилев и стремился. Диссертант развивает эту мысль, иллюстрируя ее наблюдениями И. Анненского над природой драматургического текста, в частности, «Прометей» Эсхила. Поэтому в трактовке автора работы персонажи «Песни о певце и короле» и «Девы солнца» несут в своей душе страсти, раздирающие олимпийских богов и древнегреческих героев.

А. Н. Дубовцев находит названные А. Ф. Лосевым основные моменты античной трагедии («перипетия», «узнавание», «пафос», «страх», «сострадание» и «очищение») и применяет их к «Песне о певце и короле» Гумилева. Надо отметить, однако, что классическая композиция древнегреческой драмы легла в основу многих произведений искусства как эпохи Возрождения, так и Нового времени – вплоть до современности. Наверное, нельзя с уверенностью сказать, что указанные элементы принадлежат исключительно античной культуре, они также проявляются в авантюрных романах, в

¹ Гумилев Н. С. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. I. С. 483-484.

некоторых видах остросюжетных жанров, в драматургии Шекспира и классицистических трагедиях. А колорит ранних баллад Гумилева тяготеет к обыгрыванию средневековых песен трубадуров и менестрелей. Эта тенденция была характерна для поэзии и живописи Серебряного века (см., например, «Потемнели, поблекли залы...» Блока и «Это было у моря...» Северянина, картины А. Н. Бенуа, К. Сомова и т.д.). Поэтому текст Гумилева, скорее, ориентирован на стилизацию такого рода, а не на античную драматургию, во всяком случае, напрямую.

Это касается и стихотворения «Современность», лирический герой которого, по мнению А. Н. Дубовцева, не способен «однозначно определить принципы поведения, согласующиеся с законами того или иного жанра античной литературы (героического эпоса и античного романа)» (с. 42). В том-то и заключается красота и сложность созданного в тексте пространства, что выход из нынешнего мира в мир героев Гомера не подразумевает прямого и непосредственного выбора героического или лирического характера. Гумилев тоскует о подвигах – и вдохновляется чтением «Илиады», но он видит и тихую поэтическую красоту античности, воплощенную в образах Дафниса и Хлои.

Интересны, хотя не всегда убедительны, наблюдения диссертанта о наделении легендарных античных воинов поэтическим даром в лирике Гумилева. Так, «черная кровь» Ахилла по цвету совпадает с чернилами, а битва трактуется как творческий акт. Например, слово «бросил» (Одиссей «в грудь Антиноя... бросил стрелу») автор исследования видит знаком поэзии: «В “Одиссее” этим же глаголом в повествование часто вводятся монологи, например: “... он бросил крылатое слово”» (с. 60). Все же, на наш взгляд, данная аналогия не является бесспорным доказательством параллели между сражением и лирикой: бросить крылатое слово в данном контексте не означает процесса творчества. Для Гумилева битва изначально несет в себе поэзию и романтику сильного духом человека, это просто другая ипостась бытия.

Анализируя мотив меда в микроцикле «Возвращение Одиссея» и стихотворении «Ольга», А. Н. Дубовцев указывает на его поэтическое происхождение, подтверждая эту мысль цитатой из Мандельштама и «Гимна к музам» Прокла Диадоха (с. 49). Между тем мед поэзии, в первую очередь, связан со скандинавской мифологией – с Одином, пьющим мед ради обретения мудрости и вдохновения; с Квасиром, из крови которого, смешанной с медом, карлики Фьялар и Галар создали поэтический напиток.

Удачным представляется разбор стихотворения «Персей»: победа Персея над Медузой и – одновременно – Медузы над героем, действительно, вписывается в концепцию могущества пластической формы (камня) над изображением.

Баллада «Змей», рассмотренная автором работы вслед за «Персеем», вписана в контекст мотивов борьбы героев с чудовищами, но, в целом, смешение древнегреческой и славянской мифологии недостаточно научно обосновано. Кроме того, идея диссертанта о *«реалистической тенденции в изображении простых смертных и чудовищ²»* (с. 56) кажется, по меньшей мере, странной. Сомнительно, что категории «реализма» подходят к балладным – условным и фантастическим! – произведениям в принципе, тем более к стилизациям поэтов Серебряного века.

В параграфе, посвященном контаминации античности и христианства, А. Н. Дубовцев обращается к античному сюжету о возвращении (легенде об Одиссее) и христианскому – к истории о блудном сыне в трактовке Гумилева. Блуждающий герой – один из главных персонажей лирики Гумилева («Стокгольм», «Заблудившийся трамвай», «Зачарованный викинг, я шел по земле...» и др.). Поэту была дорога мысль о том, что его душа затерялась в пространстве и как будто ищет свои истоки, свою тайную родину. Произведения с сюжетом о «заблудившемся» герое обнаруживают в подтексте легенды об исчезновении, несут в себе гибельные смыслы, чреватые трагическим финалом, а самым напряженным моментом таких текстов становится момент возвращения/невозвращения.

Завершает первую главу диссертационного исследования анализ последнего из рассказов Гумилева «Девкалион». Автор работы полагает, что Гумилев видит трагическое наследие античности, «в которой Эллада становится не началом цивилизационного развития человека, а его трагическим завершением» (с. 79). Все-таки хотелось бы разобраться, как разводит А. Н. Дубовцев два понятия – «цивилизация» и «культура», в начале XX века для многих поэтов и писателей принципиально противоположных друг другу (см. концепцию культуры А. Блока). Тем более что в 9 положении, вынесенном на защиту (с. 25), высказана мысль о равенстве культуры и технического начала, что совершенно не подходит для философии акмеизма и Серебряного века в целом.

Во **второй главе** диссертации «Доантичная древность в творчестве Н. С. Гумилева» рассматривается влияние шумерской поэмы «Гильгамеш» на Гумилева, который сделал перевод эпоса по подстрочнику, – с тем, чтобы потом ввести Гильгамеша как героя в свои стихи. А. Н. Дубовцев сопоставляет отдельные мотивы этого произведения с пьесой Гумилева на античный сюжет «Актеон», а также с некоторыми стихотворениями поэта – «Пятистопные ямбы», «Юдифь», «Людям будущего», «Приглашение в путешествие», «Я вежлив с жизнью современной...».

Второй параграф второй главы «посвящен репрезентациям доисторической эпохи в творчестве поэта» (с. 16 автореферата). Диссертант обращается к повести Гумилева

² Курсив наш. – Е.К.

«Гибели обреченных», рассказу «Дочери Каина», пьесе «Охота на носорога». По мнению А. Н. Дубовцева, «объединенные темами “утра мира” и “зари человечества”, данные произведения содержат целый ряд сюжетных и образных переключек» (с. 101). Автор работы указывает на влияние Дж. Байрона («Каин») и Ж. Рони («Борьба за огонь», «Вамирэх» и др. романы) на «первобытную прозу» поэта. Проанализировав эти тексты Гумилева, диссертант приходит к выводу, что Гумилев пытался «найти истоки мировой культуры не просто на древнейшем этапе её развития, каковым традиционно мыслится античность, а увидеть предпосылки становления цивилизации в доисторическом и даже в некоторой степени докультурном бытии человека» (с. 127).

Думается все-таки, что Гумилева тянуло к доисторическому времени как к экзотическому пространству и бытию. Образ человека, находящегося наедине с природой, охотящегося на диких зверей, живущего в лесу, который грозит ему всяческими бедами и опасностями, чрезвычайно привлекал поэтическое воображение Гумилева. В этом смысле «первобытный» герой для него выступал как чистый символ мужественности, обретающий свое «я», сам создающий свою культуру. Начало мира, его рождение и цельность человека, существующего в нем, – вот что волновало Гумилева. Этим, кстати, можно объяснить его интерес к картинам Н. Рериха, визуально изображающего «древний», словно мифологический мир. Древность для Гумилева – это, скорее, не первобытное состояние бытия, а мифологическое, *долитературное, доиндивидуальное*. Отсюда его внимание к художественным мистификациям, направленным на воспроизведение старинной народной африканской поэзии: «Абиссинские песни» 1911 г. были созданы «независимо от настоящей поэзии абиссинцев»³, как писал поэт в 7-м номере журнала «Аполлон» за 1911 г. Однако двойственность названия, вдобавок дублирующегося с одноименными песнями 1914-1916 гг., собранными Гумилевым во время его путешествий по Африке, намекает на игровой образ автора – то ли сочинителя, то ли рассказчика. А сам заголовок отсылает к знаменитым мистификациям XVIII-XIX вв. – «Мадагаскарским песням» Э. Парни, к циклу П. Мериме «Гузла», «Песням западных славян» А. Пушкина.

В связи с этим интересен последний параграф второй главы, в котором «Абиссинские песни» 1911 г. сопоставлены с традиционными стихотворными произведениями устного творчества народов Северной Эфиопии, написанными в жанре кыне. Это, конечно, не «уникальный угол зрения, найденный Н. Гумилевым» (с. 128), как полагает А. Н. Дубовцев, ибо многочисленные мистификации Парни, Мериме, Пушкина и др. поэтов и писателей строятся именно по принципу стилизации под фольклор, причем

³ Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 7. С. 76.

стилизации точной. Кроме того, конечно же, не стоит говорить о «непосредственном... отображении африканской действительности во всех её бытовых и социальных подробностях» (с. 129). В таких «подражаниях» важна именно стилевая игра, причем игра виртуозная, позволяющая проникнуть в менталитет интересующего автора народа.

Диссертант указывает на отсылку к «Песням западных славян» Пушкина и проводит аналогию между двумя циклами. Далее, подробно анализируя четыре абиссинские песни, А. Н. Дубовцев пытается доказать особенность жанра кыне, использованную Гумилевым: «каждое из четырёх стихотворений цикла обладает, как минимум, двумя уровнями прочтения – реалистическим (воск) и аллегорическим (золото)» (с. 132). Не соглашаясь полностью с наличием «реалистического» компонента в стилизации такого рода, я хотела бы отметить старание автора работы соотнести народный африканский жанр с «Песнями» Гумилева, что, безусловно, демонстрирует оригинальный подход к теме исследования.

В заключение можно высказать общее замечание к диссертационному сочинению А. Н. Дубовцева: обращение к трудам известных философов (А. Лосева, П. Флоренского, Н. Бердяева и др.) и литературоведов, занимающихся древними литературами, например, к работе Е. Мелетинского, для обоснования интерпретации стихотворений Гумилева во многих случаях представляется достаточно натянутым. Даже если и существует возможная близость идей между данными философами и Гумилевым, это должно быть либо серьезно доказано, либо не стоит вводить столь определенно и четко не совсем прямую аналогию.

Несмотря на высказанные замечания, рассматриваемая диссертация является **завершенным исследованием, в котором поставлены обоснованные и достоверные научные положения, и в конце которого даны выводы и намечены дальнейшие перспективы. Результаты работы были апробированы на научных конференциях и опубликованы в 12 публикациях (из них 4 в изданиях, рекомендованных ВАК). Результаты и выводы могут быть использованы в практике преподавания в вузах при чтении курсов лекций по истории русской литературы Серебряного века, задействоваться при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по творчеству Н. Гумилева, при проведении практических занятий, литературных факультативов в старших классах средней школы с гуманитарным уклоном, а также при разработке учебных и методических пособий, что определяет практическую значимость исследования.**

Проделанная работа, ее стиль, изложение результатов на 178 стр., адекватное представление текста в автореферате и 12 публикациях – все это отвечает требованиям, предъявляемым к исследованиям, представленным на соискание ученой степени кандидата наук, изложенным в пунктах 9-10 действующего Положения о присуждении

ученых степеней. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертация Алексея Николаевича Дубовцева представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, связанной с анализом эллинских, шумеро-аккадских и «доисторических» компонентов творчества Гумилева. Данная задача имеет значение для развития такой литературоведческой области, как история русской литературы XX века, а автор диссертации «Истоки мировой культуры в художественном мышлении Н. С. Гумилева» Алексей Николаевич Дубовцев заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – русская литература (филологические науки).

Отзыв, составленный доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Института филологии СО РАН Е.Ю. Куликовой (специальность 10.01.01 – Русская литература (филологические науки)), обсужден и утвержден на заседании сектора литературоведения Института филологии СО РАН 1 октября 2015 г., что нашло отражение в протоколе № 16. Присутствовало на заседании 10 человек. В обсуждении приняли участие 4 человека. Результаты голосования: «за» – 8 человек; против – «1», воздержался – «1».

Зав. сектором литературоведения
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Института филологии
Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН),
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
тел./факс: (383) 330-15-18, silantev@post.nsu.ru

 И.В. Силантьев

Подпись И.В. Силантьева заверяю.

Начальник отдела кадров
ИФЛ СО РАН

  З.Б. Зульфигарова

5.10.2015